

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ФОРМА МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Кёнул Азизага кызы Габиева

Институт языкознания им. И.Насими

Национальной Академии Наук Азербайджана, Баку, habibovakonul@gmail.com

В данной статье в лингвистическом аспекте кибербуллинг рассматривается как форма манипулятивного речевого воздействия в пространстве виртуальных сетей. Данное явление в современном мире считается грубым нарушением личного пространства и оскорбительной тактикой воздействия на адресата. Оно включает в себя умышленное оскорбление, унижение личности и запугивание на различных социальных интернет-платформах. Некоторые страны уже ввели специальные законопроекты, направленные на ужесточение контроля за использованием социальных сетей, чтобы защитить более молодую и психологически уязвимую категорию граждан. Лингвистические исследования в данном направлении могут быть полезны для выявления подобных случаев и разработки защитных речевых тактик.

Ключевые слова: кибербуллинг; речевая манипуляция; социальные сети; речевая тактика; речевое воздействие.

Введение. Кибербуллинг (интернет-травля) обычно определяется как умышленное и многократное оскорбление, запугивание или унижение человека в виртуально-цифровом пространстве (социальных сетей, мессенджеров и т.п.) И.Петрас и Ф.Петерман определяют кибербуллинг как «более абстрактный термин, подразумевающий комплексную структуру кибербуллинга, объединяющую все различные определяющие, влияющие и модифицирующие характеристики, а также все виды взаимодействий и взаимосвязей» [1, с. 351]. В отличие от традиционной травли, «кибербуллинг характеризуется анонимностью, отсутствием личного контакта, длительностью и широким охватом аудитории» [2, с. 172]. В данном случае агрессор, целенаправленно выбирая жертву, заранее планирует свои действия.

В данном исследовании мы рассматриваем кибербуллинг как особую форму манипулятивного речевого воздействия. В лингвистической теории манипулятивное речевое воздействие понимается как «использование хитроумных речевых приёмов с целью подчинить адресата собственной воле» [3, с. 161]. Мы в своих предыдущих исследованиях определяли речевую манипуляцию как более мягкое, но целенаправленное воздействие на адресата [4; 5]. Подобные стратегии подробно описывались в политических и рекламных текстах [5]. Но в просторах Интернета встречаются более жесткие и грубые манипулятивные формы речевого воздействия как кибербуллинг, которому свойственны агрессивные формы онлайн-общения. В данном контексте Дж. Гарриодо Ардила подчёркивает, что «манипуляция может осуществляться весьма грубыми речевыми средствами», направленными «на доминирование Другого (т.е. чужого) и управление ходом разговора в собственных интересах» [3, с. 163]. Данный ключевой момент является основой речевого кибербуллинга: с помощью словесной агрессии агрессор стремится контролировать ситуацию и воздействовать на жертву.

Цель нашего исследования – выделить и проанализировать дискурсивные стратегии кибербуллинга в лингвистическом освещении. Особое внимание уделяется

метафорам, речевым актам и прагматическим приёмам манипуляции, через которые выражается агрессия.

Методы исследования. В данном исследовании мы опираемся на современные теоретические подходы, т.е. когнитивно-прагматический анализ дискурса, теорию речевых актов и стратегий неучтивости. Методами исследования являются описательно-сравнительный и дискурсивный анализ лингвистической науки.

Основная часть исследования. Дискурсивный анализ (в том числе критический дискурс-анализ по Т. ван Дейку) рассматривает тексты как носители идеологических установок и коммуникативных стратегий. В частности, исследователи отмечают, что в кибербуллинге активно проявляется идеология агрессора: высказывания «отражают когницию и идеологии» говорящих (например, традиционные представления о «правильных» школьниках и предубеждения по внешности) [6, с. 101]. Согласно У. Дёбрен (пересказываемой в аналитике Н.Голева [7]), основными характерными чертами интернет-дискурса являются анонимность, отсутствие очного контакта, длительность и массовость воздействий – усиливают возможности агрессии. В современную эпоху виртуальное пространство является неотъемлемой частью каждого социального индивида [8, с. 173]. И каждый пользователь соцсети имеет потенциальный шанс сталкиваться с кибербуллингом в той или иной платформе. Виртуальная коммуникация является «цифровым океаном» для агрессоров, где анонимность превращается в главное преимущество. «Подобные инструменты предоставляют возможность количественно измерить скрытую характеристику — «манипулятивный стиль коммуникации», — которую в ином случае было бы трудно определить» [9, с. 33].

Манипулятивное речевое воздействие и речевая агрессия. С прагматической точки зрения коммуникативная агрессия понимается как намеренное деструктивное поведение, цель которого – негативно воздействовать на адресата. Действительно, А.Моисеева и С.Титлова определяют этот термин таким образом: «речевая агрессия – это намеренное, деструктивное конфликтогенное поведение с целью оказать негативное эмоциональное воздействие на оппонента» [10]. В сетевом общении наиболее типичны такие формы вербальной агрессии, как троллинг (провокационные сообщения, вызывающие конфликт) и флейминг (последовательный обмен оскорблениями). Е.Н.Галичкина описывает эти жанры как «атональные» и манипулятивные: троллинг выражается «выдвижением провокационных утверждений, вызывающих негативную реакцию», а флейминг – «инвективной организацией общения, использованием сниженной и вульгарной лексики и карнавальным переворачиванием норм поведения» [11, с. 8]. То есть акты кибербуллинга часто содержат элементы провокации и унижения, приправленные сознательной грубостью и даже иронией.

Метафоры и образные выражения. Из лингвистических категорий особенно важны метафоры, используемые агрессором. В научной литературе при кибербуллинге выделяются пять основных классов метафорических «картин»: животные, растения, известные персонажи, болезни и мусор (можно сказать и отходы). Например, агрессор может сравнить жертву с ‘бараном’ (тупым, глупым), ‘скотиной’ (невежей или глуповатой) или назвать её ‘мусором’ (абстрактно принизив как нечисть). Образное высказывание может объединять сразу несколько метафор и сленговых приёмов. Так, в одном сообщении можно увидеть сразу и сравнение-животное, и прикреплённый эпитет: *Смотри, этих лохушек-то как раком обошли, а ты опять здесь амёба* – ‘лохушек’, ‘раком обошли’ (жесткий сленг), ‘амёба’ (микроорганизм). Подобные «метафорические инъекции» служат экспрессивному

принижению жертвы. Как указывают исследователи, злоумышленник сознательно сочетает образы, усиливая образ: различные метафоры комбинируются и расширяют атаку. Такие метафоры намеренно дегуманизируют адресата. Назвав свою жертву ‘мусором’, агрессор приравнивает его к отбросам, что служит дискурсивной стратегией её умаления: *Этот твой пост – сплошной мусор, как и ты сам*. Часто используется и метафора болезни: *По ходу ты весь мозг больной пронзил*, намекая на психическую неполноценность.

Интернет-тролли регулярно используют «метафоры-животные» и образы «ничтожество» для передачи враждебности. Например, высказывание *Ты жалкая овечка, которой никто не платит за мнение* смешивает метафору ‘овечки’ с самооболочной драматизацией для обесценивания собеседника.

Подход речевых актов (основанный на классификации Дж. Серла) позволяет систематизировать типы высказываний, встречающиеся при кибербуллинге. М.Деви и Ф.Сели проанализировали 100 комментариев в Instagram и показали, что в таких контекстах встречаются все пять типов, которые отмечал Дж.Серль: «утвердительные (assertive), побудительные (directive), комиссивные (commissive), экспрессивные (expressive) и декларативные (declarative) высказывания». Авторы, анализируя языковые факты из Instagram, делают вывод о том, что наибольшую долю составляют именно декларативные акты (например, «назначение» собеседника кем-то или чего-то) [12]. Несмотря на парадоксальность, часто именно такие высказывания звучат, как *Ты просто позор факультета* (класса и т.д.), вбивая в жертву ярлык унижения. Согласно данному исследованию, декларативы в кибербуллинге «снижают самооценку жертвы» посредством неприятных, вульгарных имён и терминов, и могут оказывать сильный негативный эффект. При этом из примеров М.Деви и Ф.Сели видно, что встречаются и менее типичные формы. Например, «при кибербуллинге реплики-утверждения (assertive) часто выглядят как банальные замечания про внешность жертвы (например, ‘У тебя ужасный стиль’» [12, 84-86]), а директивы выражают требования (*Удаляй свой аккаунт!*) или угрозы. Вообще, агрессоры не стесняются написать императивные выражения или заявления с грубыми фразами. Потому что при кибербуллинге главной целью является запугивание жертвы.

Теория стратегий неучтивости (impoliteness) Ж.Кальпепера и соавторов рассматривает некорректные высказывания как целенаправленное оскорбление лица [13]. К.Йин применив модель «Дискурс – Когниция – Общество» к 664 комментариям на китайской платформе Weibo показал, что в кибербуллинге доминируют прямые (bald-on-record) стратегии оскорбления [6]. Это означает, что тролли чаще прибегают к грубым, неэссенциальным высказываниям без смягчения – согласно К.Йин, «они являются отражением глубинных идеологических установок адресанта (например, предвзятость в адрес «не таких» людей)» [6]. Таким образом, сочетание манипуляции и неучтивости строит дискурсивную модель: нападающий прямо унижает жертву, сознательно нарушая «правила уместного общения» ради достижения своих целей.

Речевые акты и грамматические приёмы. Примеры кибербуллинга богаты на императивы, обобщения и сарказм. Часто встречаются директивные высказывания (побудительные акты) с угрозой или требованием. Например: *Удаляй свою тему со страницы, пока я всем правду не рассказал* – здесь глагол ‘удалить’ в повелительном наклонении приказывает жертве прекратить действие, а фраза ‘пока я всем правду не рассказал’ несёт угрозу разглашения компромата. Смысловым приёмом в данном случае является скрытая угроза через ‘если не сделаешь, будет

плохо'. Директивы в буллинге могут звучать грубо: *Продай н...й свой аккаунт; Вали отсюда, шл...а!*. Эти сочетания повелительного наклонения с унижительной лексикой снижает жертву и демонстрирует власть агрессора.

Флейминг – это обмен резкими оскорблениями между пользователями, часто перерастающий в эмоциональную ссору. А.Моисеева и А.Титлова приводят диалог в комментариях под новостью о конфликте с кондуктором. «Сначала один участник отреагировал прохладной критикой, но потом другой перешёл к личным оскорблениям: *‘бабка... что ты несёшь? ... Ты старуха, дома сидишь, а людям на работу ездить надо’*» [10]. Здесь нарушение этических норм и переход на личности, что и является ярким примером флейминга [14, с. 960]. Пользователь называет собеседницу ‘бабкой’ и ‘старухой’ не с целью обсудить возраст, а чтобы подчеркнуть её «ненужность и устарелость». Авторы анализа отмечают, что такие разговорные ругательства используются именно для снижения статуса адресата (намёка на когнитивные способности и занятость).

Анализ примеров показывает, что дискурсивные стратегии кибербуллинга находят опору во множестве лингвистических средств: от морфологии (оскорбительные суффиксы) до семантических полей (метафоры уязвления). Они действуют в комплексе, порой комбинируясь, чтобы усилить унижение. Это полностью согласуется с выводами предыдущих исследователей: агрессор сознательно «расширяет спектр атакуемых концептов», комбинирует речевые приёмы и задействует имплицитные угрозы.

Выводы. Кибербуллинг следует рассматривать как грубый вид манипулятивного речевого воздействия: агрессор использует язык целенаправленно для достижения собственных целей, часто игнорируя этические нормы. В представленных материалах анализ показал, что основные стратегии при кибербуллинге – это метафоризация и агрессивные речевые акты. Образные выражения преобразуют жертву в объект презрения, а директивы и персональные нападки передают прямую властную позицию.

Принципы неучтивости в социальных платформах дополняют этот дискурс: преобладание прямых, грубых высказываний отражает стремление подчинить «Другого», подчёркивая разницу между «правильными» нормами (агрессор «нормальный», жертва «неправ»).

Речь кибербуллера часто превращается в цепочку иллокаций и перлокаций. Цель этой цепочки – вызвать у адресата тревогу, страх или чувство собственной неполноценности. При этом он сознательно манипулирует языковыми средствами (например, используя фразу «без обид» как предлог к оскорблению), комбинирует речевые акты (приказ + угроза) и апеллирует к социальным нормам («мы тебя терпим только до поры до времени»). Это говорит о том, что стратегии кибербуллинга во многом схожи с тактиками политической пропаганды или стиля троллинга – направленностью на вызов эмоций и формированием позитивного образа «Мы» против негативного «Они».

Манипулятивные механизмы кибербуллинга включают ярко выраженные метафорические и имплицитные приёмы речевого воздействия на психику. Выявленные примеры подчёркивают, что интернет-агрессоры «структурируют» свои оскорбления по заранее задуманному принципу (выбор жертвы, лексическая стратегия, использование риторических приёмов). Понимание этих стратегий важно не только для лингвистики, но и для образования и модерации контента. При умении распознать речевых манипуляций, общество может лучше реагировать на них и защищать жертв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Petras, I.-K. Cyberbullying: a concept analysis of defining attributes and additional influencing factors / I.-K. Petras, F. Petermann // *Computers in Human Behavior*. – 2018. – Vol. 86. – P. 350-366. DOI: 10.1016/j.chb.2018.05.013.
2. Чернышова, Т. В. Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики) / Т. В. Чернышова // *Медиалингвистика: научно-практический журнал*. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 170-189.
3. Garrido Ardila, J. A. Impoliteness as a rhetorical strategy in Spain's politics / J. A. Garrido Ardila // *Journal of Pragmatics*. – 2019. – Vol. 140. – P. 160-170. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.11.017.
4. Habibova, K. Speech effect function of presupposition / K. Habibova // *Linguistic Researches*. – 2024. – № 1. – P. 91-97. DOI: 10.59849/2664-5432.2024.1.91
5. Habibova, K. Sociolinguistic analysis of political communication = Соціолінгвістичний аналіз політичної комунікації / K. Habibova // *Філологічні студії: научно-практический журнал*. – 2019. – P. 149-154.
6. Yin, X. From impoliteness to aggression: examining cyberbullying patterns on Sina Weibo using the “Discourse-Cognition-Society” model / X. Yin // *International Journal of Education and Humanities*. – 2024. – Vol. 16, № 2. – P. 101-108. DOI: 10.54097/hpkgv205.
7. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: в 2 т. Т. 1 / ред. Н. Д. Голев. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021.
8. Habibova, K. Virtual discourse as a communicative requirement of the modern era / K. Habibova // *Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research*. – 2023. – Vol. 13, № 1. – P. 173-176.
9. Mammadli, N. The interplay between academic communication and speech manipulation: a psychometric analysis / N. Mammadli, K. Habibova // *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. – 2025. – Vol. 32, № S1. – P. 29-37.
10. Моисеева, А. В. Флейминг как форма речевой агрессии в онлайн-коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Моисеева, А. С. Титлова // *Russian Linguistic Bulletin: научно-практический журнал*. – 2022. – № 2 (30). – Режим доступа: <https://rulb.org/en/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.1>. – Дата доступа: 01.05.2026. DOI: 10.18454/RULB.2022.30.1.
11. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Галичкина. – Волгоград, 2012. – 40 с.
12. Dewi, M. The speech act analysis of cyberbullying on Instagram / M. Dewi, F. Y. Seli // *PEDAGOGIC: Indonesian Journal of Science Education and Technology*. – 2023. – Vol. 3, № 2. – P. 82-92. DOI: 10.54373/ijset.v3i2.103.
13. Culpeper, J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence / J. Culpeper. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
14. Титлова, А. С. Воздействующий потенциал поликодового массмедийного текста [Электронный ресурс] / А. С. Титлова, А. В. Моисеева // *Вестник Башкирского университета: научно-практический журнал*. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 959-962. – Режим доступа: <http://bulletin-bsu.com/en/archive/2019/4/39/>. – Дата доступа: 10.05.2026. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.32.

CYBERBULLYING AS A FORM OF MANIPULATIVE SPEECH INFLUENCE

Konul Habibova

*Linguistics Institute named after I.Nasimi of Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, habibovakonul@gmail.com*

This article examines cyberbullying from a linguistic perspective as a form of manipulative speech influence within the space of virtual networks. In the modern world, this phenomenon is regarded as a serious violation of personal space and an offensive tactic aimed at influencing the addressee. It includes deliberate insults, humiliation, and intimidation on various social media

platforms. Some countries have already introduced special legislative measures aimed at strengthening control over the use of social networks in order to protect younger and psychologically vulnerable groups of citizens. Linguistic research in this field may be useful for identifying such cases and developing protective speech strategies.

Keywords: cyberbullying; speech manipulation; social networks; speech strategy; speech influence.